

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2026-2-200-207>

Искусственный интеллект в глобальной фрагментации современного мира: поиск модели правового регулирования

В. Е. Рубаник

доктор юридических наук,

Москва

E-mail: vladimir-rubanik@yandex.ru

С. И. Иванова,

помощник юриста ООО «ИССС»

Адрес: ООО «ИССС»

665730, г. Братск, ул. Гиндина, д. 18/2

E-mail: sonia-ivanova-2003@mail.ru

Artificial Intelligence in the Global Fragmentation of the Modern World: Searching for a Legal Regulation Model

V. E. Rubanik

Doctor of Law,

Moscow, Russian Federation.

E-mail: vladimir-rubanik@yandex.ru

S. I. Ivanova

Legal Assistant at ISSS LLC

Address: ISSS LLC,

18/2 Gindina Str., Bratsk, 665730, Russian Federation

E-mail: sonia-ivanova-2003@mail.ru

Поступила 23.03.2026 Принята к печати 20.04.2026

Аннотация

В статье исследуется влияние фундаментальных сдвигов в мировой экономике, в частности перехода от однополярной к многополярной модели, на формирование правовых подходов к регулированию искусственного интеллекта (ИИ). Авторы полагают, что изменение баланса экономических сил выступает ключевым драйвером, порождающим конкурирующие правовые парадигмы. На основе анализа стратегий четырех глобальных полюсов развития ИИ – Китая, ЕС, США, а также России и иных игроков – выявляется прямая зависимость юридического наполнения категории «искусственный интеллект» от доминирующей экономико-политической модели. Особое внимание уделяется феномену неустранимого конфликта юрисдикций, возникающего из-за столкновения экстерриториальных притязаний ЕС и США с принципами территориального киберсуверенитета стран Азии. Раскрывается эволюция концепции «цифрового (технологического) суверенитета», который в современных условиях понимается не как автаркия, а как динамическая способность к обеспечению стратегического контроля в условиях «устойчивой взаимозависимости». Анализируются различные модели правового осмысления ИИ: европейская (ориентированная), американская (либерально-отраслевая), китайская (антропоморфно-ориентированная на социальный контроль) и российская (суверенизация). Обосновывается тезис о невозможности универсального правового режима для ИИ в условиях фрагментированного геополитического ландшафта и констатируется консенсус относительно преждевременности наделения ИИ полноценной правосубъектностью.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правовое регулирование, многополярность, геоэкономика, конфликт юрисдикций, цифровой суверенитет, экстерриториальность, CLOUD Act, AI Act, технологическая мультиполярность.

Abstract

The article examines the impact of fundamental shifts in the global economy, in particular the transition from a unipolar to a multipolar model, on the formation of legal approaches to regulating artificial intelligence (AI). The authors believe that a change in the balance of economic forces is a key driver generating competing legal paradigms. Based on the analysis of the strategies of the four global poles of AI development – China, the EU, the USA, as well as Russia and other players – the direct dependence of the legal content of the category "artificial intelligence" on the dominant economic and political model is revealed. Special attention is paid to the phenomenon of an intractable conflict of jurisdictions arising from the collision of the extraterritorial claims of the EU and the United States with the principles of territorial cyber sovereignty of Asian countries. The evolution of the concept of "digital (technological) sovereignty" is revealed, which in modern conditions is understood not as autarky, but as a dynamic ability to ensure strategic control in conditions of "sustainable interdependence". Various models of legal understanding of AI are analyzed: European (risk-oriented), American (liberal-industry), Chinese (anthropomorphic-oriented to social control) and Russian (sovereignization). The thesis about the impossibility of a universal legal regime for AI in a fragmented geopolitical landscape is substantiated and a consensus is reached on the prematurity of granting AI full-fledged legal personality.

Keywords: Keywords: artificial intelligence, legal regulation, multipolarity, geo-economics, conflict of jurisdictions, digital sovereignty, extraterritoriality, CLOUD Act, AI Act, technological multipolarity.

Анализ влияния наблюдающихся сегодня сдвигов в мировой экономике на правовое осмысление Искусственного Интеллекта (далее – ИИ) показывает, что изменение баланса экономических сил в XXI в. является не просто фоном, а ключевым драйвером, формирующим конкурирующие правовые парадигмы в отношении ИИ [20]. Переход от однополярной к многополярной модели мировой экономики напрямую влияет на то, как разные правовые системы определяют, регулируют и стремятся контролировать ИИ.

Одним из важнейших, ключевых экономических сдвигов, оказавшим определяющее влияние в проекции на сферу ИИ, стал переход от технологического доминирования к технологической мультиполярности. В еще недалеком прошлом в экономике отчетливо наблюдалось полное доминирование США и Запада: они осуществляли контроль над цепочками создания стоимости (от чипов до ПО), концентрацией данных и капитала, установлением де-факто стандартов.

В настоящее время все более очевидно происходит формирование и оформление нескольких явно выраженных полюсов в сфере развития ИИ, для каждого из которых характерен свой подход:

1) Китай:

- разработаны и внедряются стратегии «Инновации 2025» и «Военный-гражданский симбиоз»;
- осуществляются массивные государственные инвестиции; наблюдается приоритет

прикладного ИИ (распознавание лиц, «умный город», социальный скоринг);

- реализуется всеобъемлющий контроль над данными [14].

2) ЕС:

- Евросоюз придерживается позиции «нормативной сверхдержавы», делая акцент на защиту фундаментальных прав;
- предпринимаются попытки компенсировать отставание в технологической гонке установлением жестких этико-правовых стандартов для глобального рынка (т. н. «эффект Брюсселя» [5].

3) США:

- сохраняют лидерство в фундаментальных исследованиях и генеративном ИИ (*OpenAI*, *Google*);
- реализуется модель «инновации и мягкое регулирование», где государство выступает скорее партнером и инвестором, чем строгим регулятором [3].

4) Страны Персидского залива (на примере ОАЭ):

- Эмираты демонстрируют уникальную гибридную модель, которую можно охарактеризовать как «авторитарный капитализм». Государство здесь выступает не просто регулятором или инвестором, а главным заказчиком, координатором и бенефициаром, используя авторитарную модель управления как конкурентное преимущество, которое демонстрирует прямую вертикаль управления:
- в 2017 г. в стране назначили министра по ИИ;

— создали финансируемый государством Институт технологических инноваций (разработчик модели Falcon);

— через суверенный фонд поддерживается национальная ИИ-компания G42.

Подобно Китаю, ОАЭ предоставляют национальным ИИ-компаниям доступ к огромным массивам обезличенных государственных данных (в сфере здравоохранения и др.) для обучения моделей¹. Это преимущество, недоступное западным компаниям из-за строгих законов о приватности (GDPR, CCPA). Как справедливо отмечает А. Х. Чжан, цель развития ИИ здесь часто ставится выше строгости исполнения законов о защите данных [22]. В отличие от технологически автономного, но изолированного ограничениями Китая, ОАЭ сохраняют и даже наращивают неограниченный доступ к западным ресурсам – передовым чипам (сотрудничество с Cerebras) и капиталу (инвестиции Microsoft в G42). Это позволяет им сочетать авторитарные методы управления данными с либеральным доступом к глобальным технологическим рынкам. Более того, как показывают опросы (Ipsos, 2022), население в авторитарных странах, включая ОАЭ, демонстрирует более высокий уровень доверия к ИИ, что ускоряет его коммерческое внедрение и снижает социальное напряжение вокруг технологий слежения.

5) Россия и другие игроки:

— осуществляется вынужденная внешним воздействием стратегия импортозамещения и цифрового суверенитета;

— при этом фокус сконцентрирован на военно-промышленном комплексе и государственном управлении [6].

Ученые справедливо указывают на риски того, что внедрение ИИ в финансово-инвестиционный сектор может быть использовано западными элитами для сохранения глобального доминирования и паразитарной модели финансов даже в условиях формальной регионализации [8]. Таким образом, сфера разработки и, что особенно важно, внедрения ИИ превращается в арену глобальной конкуренции, что в свою очередь актуализирует задачу всестороннего совершенствования его

правового регулирования. Это неизбежно порождает правовые конфликты, в числе которых:

1) *Конфликт юрисдикций и экстерриториальности*: закономерно возникает вопрос о том, какие нормы (чьи правила) должен соблюдать, скажем, американский генеративный ИИ, обрабатывающий данные европейцев на серверах в Азии? Вполне очевидно, что это ведет к борьбе за экстерриториальное действие национального права.

Юридическая природа конфликта состоит в столкновении трех моделей суверенитета, и в приведенном выше примере – это не техническая накладка, а противостояние трех принципиально разных философий цифрового суверенитета.

Данная коллизия представляется трудноразрешимой в рамках действующего законодательства, потому что ни ЕС, ни США, ни азиатские страны не признают приоритет чужого закона над своим в вопросах защиты данных и доступа к ним. Компании вынуждены выбирать, чьи санкции для них менее болезненны, и платить «суверенную премию» за ведение бизнеса в каждом регионе отдельно. Это и есть новая реальность права – «Вестфальский веб», в котором глобальное технологическое пространство окончательно распалось на множество цифровых территорий. По мнению авторов, ОАЭ в этой системе демонстрирует пример такой цифровой территории, которая умело торгует своим суверенитетом и доступом к ресурсам, так как Эмираты, будучи авторитарным государством с жестким территориальным суверенитетом, одновременно являются ключевым партнером западных техногигантов, что создает парадоксальную ситуацию: американская компания, инвестирующая в ИИ-компанию ОАЭ, получает доступ к данным и алгоритмам, разработанным в условиях авторитарного режима, который невозможен на территории США или ЕС. Это порождает «эффект перетекания суверенитетов», где капитал и технологии Запада начинают обслуживать и извлекать выгоду из моделей управления, противоречащих их собственным правовым принципам, создавая новые этические и юридические коллизии.

2) *Конкуренция правовых режимов*, подразумевающая противостояние модели «запрещено, пока не разрешено», характерное, например, для ЕС, и модели «разрешено, пока не запрещено» (США/Китай в коммерческом секторе), что формирует фрагментированное правовое поле, где ком-

¹ Recent event examines what social sciences can tell us about rising economic, geopolitical power. – URL: <https://news.harvard.edu/gazette/story/2023/03/why-china-has-an-edge-on-artificial-intelligence/>

пании вынуждены создавать разные версии продуктов.

3) *Зарождается концепция «цифрового» или «технологического суверенитета»*, которая выходит за рамки территориальных границ и включает контроль над данными, алгоритмами и критически важной ИИ-инфраструктурой, что влечет переосмысление концепции суверенитета.

Следует указать на то, что само понятие «цифровой (технологический) суверенитет» сегодня находится в стадии активного доктринального и нормативного формирования, не имея единого общепризнанного определения. Анализ актуальных на март 2026 г. источников позволяет рассматривать его как многомерный концепт, существенно различающийся по содержанию в российской и европейской традициях, но при этом демонстрирующий конвергенцию вокруг идеи «устойчивой взаимозависимости» вместо абсолютной автаркии [6].

В российском правовом дискурсе сложилась иерархическая модель, где понятие «технологический суверенитет» является родовым по отношению к «цифровому суверенитету» [4]. Нормативная дефиниция, обязательная для использования, изложена в Распоряжении Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р, согласно которой, технологический суверенитет – это наличие в стране под национальным контролем критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы [12].

Европейское понимание принципиально иное: оно не иерархично, а функционально, и акцентирует не столько «наличие своих технологий», сколько способность контролировать и защищать европейские ценности и интересы. Официальная дефиниция ЕС гласит, что цифровой суверенитет означает цифровые инфраструктуры, продукты и сервисы, которые защищают европейскую безопасность, стратегические активы и интересы, одновременно соблюдая европейские ценности и требования [10].

Обращение к литературе вопроса [1; 19; 21] показывает, что сегодня складывается новая формула суверенитета, и итоговая дефиниция, синте-

зирующая описанные подходы, может отражать следующий смысл: «Технологический (цифровой) суверенитет – это не состояние полной независимости, а динамическая способность государства, общества и бизнеса обеспечивать стратегический контроль над критическими цифровыми технологиями и данными при сохранении участия в глобальной кооперации».

Ключевые характеристики современного понимания суверенитета суть следующие:

- подразумевает целый спектр, а не бинарный выбор подходов, так как разные классы задач требуют разных уровней суверенитета;
- цель – не автаркия, а «устойчивая взаимозависимость»;
- прочный симбиоз технологии и права, то есть способность своевременно и точно устанавливать правила и обеспечивать их исполнение важнее, чем способность производить отдельный чип;
- распространяется не только на государство, но и на бизнес, и граждан. В европейской модели акцент на суверенитет личности в отношении данных; в российской – доминирует государствоцентричный подход.

Таким образом, цифровой/технологический суверенитет в 2026 г. – это не возврат к каким-либо национальным границам в цифровом пространстве, а поиск нового баланса между глобальной интеграцией и защитой критической инфраструктуры, ценностей и данных.

4) *Новая геополитика стандартов*: в современном мире борьба ведется уже не только за рынки, но и за установление глобальных технических и правовых стандартов – и тот, чьи стандарты победят, получит долгосрочное конкурентное преимущество.

Изучение вопроса показывает, что современное право не вырабатывает единую, универсальную концепцию ИИ – вместо этого оно становится ареной столкновения различных экономико-цивилизационных моделей, вследствие чего категория «искусственный интеллект» наполняется принципиально разным содержанием и анализ актуальных на март 2026 г. источников позволяет выделить четыре принципиально разные модели правового осмысления ИИ:

- риск, требующий регуляторного сдерживания (характерно для ЕС).
- актив и двигатель роста, требующий правового поощрения (например, США).

— инструмент государственного управления и технологической автономии, требующий суверенного контроля (например, Китай и в значительной мере ОАЭ).

— вызов экономическому и цифровому суверенитету (развивающиеся страны).

Таким образом, можно в данной части промежуточно подытожить, что понимание искусственного интеллекта в современном праве находится в стадии активного формирования и существенно различается по степени зрелости в разных юрисдикциях.

В феврале 2025 г. Еврокомиссия выпустила специальные руководящие указания, разъясняющие, что понимать под «системой ИИ». В праве ЕС ИИ — это не абстрактная «имитация мышления», а машинная система с разной степенью автономии, которая генерирует прогнозы, рекомендации или решения, влияющие на физическую или виртуальную среду. Это определение носит намеренно широкий и технологически нейтральный характер, чтобы охватывать как существующие, так и будущие технологии.

Европейское право не пытается ответить на вопрос «что такое ИИ по своей сути?» — вместо этого право отвечает на вопрос «чем ИИ является для безопасности и прав человека?». Юридическое понимание ИИ строится через его классификацию (недопустимый риск; высокий риск; ограниченный риск; минимальный риск). ЕС также впервые в мире ввел в правовой оборот понятие «*General-Purpose AI*» — модели ИИ общего назначения. Это принципиально новый субъект права. Право ЕС, таким образом, пытается ухватить «универсальность» как сущностную характеристику современных больших моделей.

Подход США характеризуется фрагментарным пониманием через судебные иски и стандарты, при котором отсутствует единое федеральное понимание ИИ. Юридическая идентификация ИИ происходит через отраслевые регуляторы и через *tort law* (деликтное право).

Своеобразными «лабораториями» выступают отдельные штаты: так, с 1 января 2026 г. в Калифорнии вступил в силу закон *AB 316*, который устраняет «защиту автономного вреда». Это означает, что право начинает признавать: ИИ может действовать настолько автономно, что владелец не может переложить ответственность на «непредсказуемость машины». Понимание ИИ смещается в сторону признания его квази-

самостоятельного причинителя вреда, хотя ответчиком остается человек или корпорация.

Китайское право в 2026 г. демонстрирует уникальный вектор понимания ИИ — как субъекта коммуникации, способного имитировать личность. Появилась новая категория: антропоморфный интерактивный ИИ. В декабре 2025 — январе 2026 г. *Cyberspace Administration* вынесла на обсуждение проект правил, где дается узкое, но крайне важное определение: ИИ — это сервисы, симулирующие личность, стиль мышления и манеру общения человека.

Право оценивает не алгоритм, а эмоциональное воздействие. Китайский законодатель предлагает понимать ИИ через призму его влияния на психику. Право требует от провайдеров оценивать эмоциональное состояние пользователей, уровень зависимости, признаки дистресса и аддикции. Если ИИ замечает суицидальные настроения, система обязана передать управление человеку и уведомить экстренные контакты. Вводится запрет на ИИ, имитирующий пожилых родственников (чтобы избежать манипуляции чувствами), а также на дизайн, направленный на замену реального социального взаимодействия. Следовательно, китайское право видит в ИИ не столько инструмент или устройство, сколько цифрового актора, способного формировать ложные социальные связи.

В российском праве дефиниция ИИ присутствует исключительно на уровне подзаконных актов, что не позволяет сформировать устойчивый понятийный аппарат в Гражданский Кодекс Российской Федерации. Единственное легальное определение закреплено на уровне Указа Президента и Стратегии–2030: ИИ — это «комплекс технологических решений, имитирующий когнитивные функции человека». Однако в правоприменении эта формулировка признается избыточно широкой и неопределенной.

Минцифры в 2026 г. предложило ввести в уголовный закон квалифицирующий признак «с использованием ИИ» в Уголовный Кодекс Российской Федерации (ст. 158, 159, 163, 272). В проекте предлагалось продублировать определение из Стратегии в примечании к Уголовному Кодексу Российской Федерации¹. Однако Минюст высту-

¹ Минцифры предлагает уголовную ответственность за применение ИИ в криминале. — URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2025/06/09/1116134-sest-za-neiroset>

пил категорически против: ведомство указало, что текущее правопонимание ИИ не позволяет провести экспертизу и однозначно установить факт использования именно ИИ при совершении преступления. Это создает риск неоднозначного толкования и колоссальной нагрузки на экспертов.

По состоянию на март 2026 г. Правительство Российской Федерации прорабатывает рамочный закон об ИИ. Ключевой новеллой выступает попытка определить не только «что такое ИИ», но и «что такое российский ИИ». Понимание ИИ в российском праве смещается в сторону суверенизации: разрабатываются критерии отнесения нейросетей к отечественным продуктам.

Исследователями предлагаются различные варианты определения ИИ. Так, Е. П. Сесицкий полагает, что «Система искусственного интеллекта – это компьютерная система, представляющая собой совокупность алгоритмов, программ для ЭВМ, баз данных и аппаратного обеспечения, работающих на основе технологий искусственного интеллекта» [18]. Ю. С. Балалаева обосновывает целесообразность введения в научный оборот «нового понятия “искусственный юридический (правовой) интеллект” как модели, обученной на основе данных, содержание которых составляет специальный юридический язык (тексты нормативных правовых актов, актов применения и толкования норм права, юридическая литература), воплощенная в различных программно-аппаратных комплексах и предназначенная для использования субъектами правотворческой, правоприменительной, правореализационной, правоинтерпретационной деятельности в целях повышения эффективности правового регулирования» [2]. Указанный автор полагает, что это «обусловлено следующими обстоятельствами:

а) специфичностью данных, используемых для обучения;

б) появлением в сфере бизнеса отдельной отрасли *LegalTech*, подразумевающей создание информационных технологий специально для лиц, осуществляющих частную юридическую практику;

в) использованием результатов функционирования искусственного интеллекта при вынесении правоприменительных решений, порождающих правовые последствия».

Полагаем, что эти тезисы вполне обоснованы.

Суммируя изложенное выше, представляется возможным прийти к следующим выводам:

1) Искусственный интеллект является ключевым технологическим фактором формирования «новой экономики», которая отличается качественным изменением характера труда, трансформацией традиционных отраслей и повсеместным проникновением информационных технологий. Экономический потенциал ИИ оценивается как значительный (прогнозируемый вклад в ВВП России до 4–6% к 2030 г., глобальный прирост ВВП на 14%).

2) Развитие ИИ прошло три этапа (зарождение, кризис, революция) и в настоящее время происходит на фоне смены однополярной модели мира многополярной. Это привело к формированию четырех глобальных полюсов развития ИИ (Китай, ЕС, США, Россия/иные), каждый из которых имеет собственную экономическую логику и подход к правовому регулированию.

3) Главным правовым следствием геополитических сдвигов стал неустрашимый конфликт юрисдикций. Один и тот же ИИ-сервис одновременно подпадает под действие трех разнонаправленных векторов: европейского (суверенитет через правила), американского (экстерриториальный доступ к данным по CLOUD Act) и азиатского (территориальный киберсуверенитет). Это делает невозможным глобальное применение единого правового режима.

4) В ответ на фрагментацию правового поля формируется новая категория – «цифровой (технологический) суверенитет». В 2026 г. он понимается не как абсолютная изоляция (автаркия), а как динамическая способность государства, общества и бизнеса обеспечивать стратегический контроль над критическими цифровыми технологиями и данными при сохранении участия в глобальной кооперации (концепция «устойчивой взаимозависимости»).

5) В части принципов, подходов и моделей развития правового регулирования отношений в области искусственного интеллекта следует указать на то, что на сегодня в мире не выработано единого определения ИИ. Анализ показывает, что юридическое наполнение этой категории напрямую зависит от доминирующей экономикополитической модели: в ЕС ИИ – это объект регулирования и источник рисков; в США – актив и инструмент инноваций; в Китае – инфраструктура государственного управления; в России – объект политики суверенизации. Несмотря на различия в подходах, в доктрине и практике (включая позицию Конституционного Суда Российской Фе-

дерации) сформировался консенсус относительно невозможности и преждевременности наделения ИИ полноценной правосубъектностью. Эту позицию разделяют и авторы настоящей статьи.

6) Появление и стремительный успех таких игроков, как ОАЭ, демонстрирует возникновение пятой, гибридной модели регулирования – «прагматичного техно-авторитаризма». Данная модель бросает наиболее серьезный вызов универсалистским подходам (как европейскому, так и аме-

риканскому), доказывая, что доступ к данным и контроль над ними в связке с государственным заказом могут быть более мощным драйвером развития ИИ, чем либеральное или риск-ориентированное законодательство. Это подтверждает стержневой тезис настоящей статьи: правовое содержание ИИ является прямой проекцией доминирующей политической философии и экономической модели государства, а не универсальной технологической данностью.

Список литературы

13. Авдийский В. И., Иванов А. В., Царегородцев А. В. Взаимосвязь цифрового суверенитета и цифрового пространства: новые вызовы и // Вестник евразийской науки. – 2024. – Т. 16. № 3. – URL: <https://esj.today/PDF/21FAVN324.pdf>.
14. Балалаева Ю. С. Теоретические проблемы правового регулирования использования искусственного интеллекта в юридической сфере: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2024. – 28 с.
15. Бирюков П. Н. Деятельность США в сфере использования искусственного интеллекта // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2019. – № 3. – С. 324–334.
16. Бухарин В. В. Компоненты цифрового суверенитета Российской Федерации как техническая основа информационной безопасности // Вестник МГИМО-Университета. – 2016. – №6 (51). – С. 76–91.
17. Васильев А. А., Ибрагимов Ж. И. Правовое регулирование робототехники и искусственного интеллекта в Европейском Союзе // Российско-Азиатский правовой журнал. – 2019. – №1. – С. 50–55.
18. Винник Д. В. Цифровой суверенитет: политические и правовые режимы фильтрации данных // Философия науки. – 2014. – №2 (61). – С. 95–113.
19. Власов Г. Д. Правовые вызовы искусственного интеллекта: европейский ответ // Право, цифровые технологии и искусственный интеллект: сб. ст. / отв. Ред. Е.В. Алферова. М. : ИНИОН РАН, 2021. – С. 203–217.
20. Евстафьев Д. Искусственный интеллект как фокус экономического развития: риски и потенциал. – URL: <https://www.if24.ru/ai-fokus-ekonomicheskogo-razvitiia/> – (дата обращения: 11.12.2025).
21. Зиновьева Е. С. Проблемы международного управления Интернетом в контексте цифрового суверенитета // Международная жизнь. Специальный выпуск. – 2020 – С. 133–137.
22. Зиновьева Е. С., Булга В. И. Цифровой суверенитет Европейского союза // Современная Европа. – 2021. – №2. – С. 40–49.
23. Игнатов А. А. Сравнительное исследование политики реализации цифрового суверенитета государства странами – членами БРИКС // Вестник международных организаций. – 2025. – Т. 20. № 3. – С. 60–83.
24. Кучерявый М. М. Государственная политика информационного суверенитета России в условиях современного глобального мира // Управленческое консультирование. 2015. №2. С. 8–15.
25. Лебедева М. М. Мировая политика: тенденции развития // Полис. Политические исследования. – 2009. – Т. 4. №4. – С. 72–83.
26. Ли Кай-Фу. Сверхдержавы искусственного интеллекта. Китай, Кремниевая долина и новый мировой порядок: / перевод с англ. Нины Константиновой. 4-е изд. Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2021. – 268 с.
27. Никонов В. А., Воронов А. С., Сажина А. С., Володенков С. В., Рыбакова М. В. Цифровой суверенитет современного государства: содержание и структурные компоненты (по материалам экспертного исследования) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2021. – №60. – С. 206–216.

28. Ребро О., Гладышева А., Сучков М., Сушенцов А. Категория «цифрового суверенитета» в современной мировой политике // *Международные процессы*. – 2021. – Т. 19. №4. – С. 67–74.
29. Самарин А. А. Право и экстерриториальность в условиях глобализации // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. – 2015. – №1 (102). – С. 115–124.
30. Сесицкий Е. П. Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. – 25 с.
31. Скидан А. В., Чипига Ю. А., Исюк А. А. Цифровизация как фактор повышения результативности государственного управления: проблемы и направления развития // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. – 2021. – № 1. – С. 71–76.
32. Тодосийчук А. Условия перехода к инновационной экономике // *Экономист*. – 2010. – №2. – С. 25–38.
33. Цифровой суверенитет современного государства: содержание и структурные компоненты (по материалам экспертного исследования) / В. А. Никонов, А. С. Воронов, В. А. Сажина [и др.] // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. – 2021. – № 60. – С. 206–216.
34. Zhang Angela Huyue. *High Wire: How China Regulates Big Tech and Governs Its Economy*. Oxford University Press. – 2024. – 432 p.